

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Олег Суворов

Роковые обстоятельства

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ОЛЕГ СУВОРОВ

РОКОВЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Олег Валентинович Суворов родился в 1959 г. в Москве. В 1985 г. он окончил философский факультет МГУ, затем защитил кандидатскую диссертацию по философии. Еще будучи студентом он начал писать художественные произведения, а с 1995 г. стал профессиональным писателем. На сегодняшний день в двадцати различных издательствах вышла 41 книга Олега Суворова (в том числе 2 — на Украине), не считая 3-х аудиокниг, принятого в работу сценария художественного фильма и крупных журнальных публикаций. В издательстве «Терра — Книжный клуб» вышло несколько книг Суворова, в том числе исторические детективы «Роковые обстоятельства» и «Завещание безумного философа», сборник современных детективов «Вне подозрений» («Ментовщина», «Мафия и бессмертие» и «Вне подозрений»)...

Кроме рассказов О. Суворова «Рождение шедевра (Иннокентий Анненский)» и «Символы счастья», в этот выпуск «Библиотеки “Огонек”» включены первые главы романа «Вне подозрений», полную версию которого желающие могут приобрести в издательстве «Терра — Книжный клуб».

Уважаемые читатели!

*Если вы желаете приобрести полную версию романа Олега Суворова «Роковые обстоятельства», просим вас обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Терра». Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.kkterra.ru
Ваши отзывы и предложения направляйте по адресу bibl@kkterra.ru*

- © Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
- © Терра—Книжный клуб, 2008

РОЖДЕНИЕ ШЕДЕВРА (ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ)

Одиночество — это зверь, грызущий нас изнутри. Можно иметь семью, друзей, учеников; можно возвращаться в любом обществе и быть как угодно знаменитым; можно сколь угодно казаться счастливым, самодовольным и веселым, заставляя трепетать женские и свирепеть мужские сердца, — но все равно, стоит на мгновение остановиться, с помощью зеркала заглянуть себе в глаза — и все, окружающий мир покажется всего лишь разноцветными бликами на гладкой поверхности собственной вселенной. И нет ничего, что могло бы стать частицей нашего «Я», и наше «Я» не в состоянии стать чьей-либо частицей, а потому продолжает свой жизненный путь замкнутой в себе монадой, гордой и печальной. Одиночество можно любить или ненавидеть, от него можно сходить с ума и к нему можно стремиться — все равно оно останется неизбывным состоянием той души, которая временами способна существовать за пределами собственного тела — где-то там, «среди миров, в мерцании светил».

Отворяется большая белая дверь в конце коридора первого этажа царскосельской гимназии, и оттуда семенящей походкой выбегает старый лакей, распахивая обе створки двери. Учителя и учащиеся замирают, глядя в дверной проем, откуда торжественно появляется директор. Он медленно шествует по коридору, изумляя всех странной неподвижностью своего выпрямленного туловища. На нем строгий черный вицмундир, подбородок упирается в прочно накрахмаленный белый воротничок с отогнутыми уголками, по обеим сторонам лба в такт шагам раскачиваются тщательно расчесанные пряди седоватых волос.

Директор слегка кивает робко кланяющимся гимназистам, окидывая их холодновато-доброжелательным взглядом, и не спеша удаляется, похожий на таинственный призрак из средневекового английского замка. Ну и кто поверит, что он является одним из самых утонченных поэтов одиночества?

А ведь у него есть семья и четверо детей, причем женился он еще в те юношеские годы, когда одиночество казалось всего лишь временным развлечением среди бурных приятностей студенческой жизни. Но самое приятное из развлечений студента-филолога третьего курса Санкт-Петербургского университета — это ухаживание за красивой вдовой, изящной блондинкой с изумительными зелеными глазами, которая была старше его на целых тринадцать лет.

Тринадцать лет! А ведь он сам не настолько старше ее детей, репетитором которых его наняли. Но что это за срок, если имеется внезапно вспыхнувшее чувство — сразу и на всю жизнь. Она любила его и страшно ревновала, а он любил ее и всячески старался показать, чтонисколько не страшится ее твердого, деспотического характера. Они поженились, как только он окончил университет, и прожили вместе тридцать лет — до самой его смерти. Вот и еще одна причина одиночества — иметь рядом с собой безнадежно стареющую жену, которая пытается управлять тобой, как единственным достоянием, остающимся ей во времени.

Всю жизнь он испытывал к ней странные чувства — она была его первой женщиной, и он даже в зрелые годы тянулся к ней, обжигаемый огнем тех сладострастнейших студенческих воспоминаний, — так упоительно она умела отдавать свое великолепное тело самому изощренному искусству любви. Но утихала страсть, смолкали последние поцелуи, и он из пылкого любовника превращался в покорного слугу, направляемого твердой волей своей госпожи к ненужным для самого себя целям; злился и ненавидел ее за это, но вновь и вновь тянулся к ней, чтобы в очередной раз почувствовать себя хозяином этой благоухающей, стонущей от страсти женщины, почти со смертельной яростью сотрясая ее распростертое перед ним тело.

«Раб-любовник, — думал он про себя, вспоминая знаменитых царей древности — таким и останусь». Но зато поэзия дарила ему иные чувства — здесь он был полновластным властителем изящных форм и изощренных метафор, певцом «тихих песен» и хозяином «кипарисовых ларцов».

Когда ему в очередной раз хотелось ощутить себя поэтом, он запирался в небольшом флигеле, имевшем выход на веранду, с которой открывался вид на чудесный фруктовый сад. И уже там обостренно упивался одиночеством, «дрожа от восторга и чада сомнений». Для того чтобы с максимальной остротой осознать собственную конечность, необходимы

три вещи, которые он здесь имел и в которых никогда не испытывал недостатка — это все то же одиночество, бессонница и звездное небо.

Что может быть прекраснее ярких весенних звезд над благоухающими кронами цветущих деревьев! Их аромат кажется ароматом самих звезд, а загадочность неба придает всем нашим мыслям волнующую глубину. На столе во флигеле горит свеча над раскрытым томом самого знаменитого из тех, кто когда-либо гулял по царскосельским аллеям:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

К кому из своего знаменитого «дон-жуанского» списка ехал тридцатилетний Пушкин? Какими снами одаряло его сладострастное воображение? А ведь подлинное одиночество начинается тогда, когда не к кому поехать, когда в мире нет ни одного теплого и светлого окна, на которое бы хотелось молиться.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

И месяц, и луна лишь отражают те взоры, которые мы, влюбленные в наши земные звезды, им посылаем. Они внушают сомнамбулические видения поэтам и освещают спальни любовников; сколь многих вздохов и объятий они были невольными и одинокими свидетелями!

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

«Написав такое стихотворение, можешь с легкой душой причислить себя к тем, о которых сказано “мы, поэты”», — с легкой завистью подумал Анненский. Он захлопнул книгу и вышел в сад, вдыхая его влажные ночные ароматы. Все чувства души были напряжены так, что казалось: еще мгновение — и она взмахнет крыльями вдохновения.

Неужели все поэты обречены на одиночество, неужели лучшие, звенящие как хрусталь строки, рождаются лишь тогда, когда остаешься наедине с живым богом собственной души?

Только естественная, как липовый аромат, поэзия может так волновать человеческое сердце; только черно-синее майское небо само может быть такой поэзией. Как одинок он среди бесконечных миров, среди этих отдаленно мерцающих светил! Но вот и первая строчка, загадочная и блистательная:

Среди миров, в мерцании светил...

Но что еще можно делать ночью, под звездами, как не сравнивать свою возлюбленную с одной из них — самой далекой и самой манящей?

Одной звезды я повторяю имя...

Почему? Ответить уже проще, поскольку сами рифмы задают смысл и настроение: «светил» — «любил», «имя — другими».

Итак:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому, что я Ее любил
А потому, что я томлюсь с другими.

Томление — это врожденное свойство истинно поэтической души, которое порождается сомнением во всем — в осмысленности собственной жизни, в искренности любви, в благодати Бога или в бессмертии той самой души, что сейчас машет невидимыми крыльями, оставляя на белых листах бумаги неповторимые строчки. Сомнение может быть легким лишь у тех, кто готов сомневаться по пустякам, но оно обязательно будет тяжелым у тех, кто сомневается в том, в чем страшнее всего сомневаться.

И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Анненский вернулся во флигель, дрожащей от волнения рукой записал стихотворение и с удивлением понял, что плачет. Так велико было поэтическое напряжение пушкинского шедевра, что оно, встряхнув его собственную душу, вызвало к жизни новое великолепие.

Раскройте любую поэтическую антологию, и среди самых блестящих имен изумительной находкой неожиданно блеснут эти совершенные восемь строк: «Среди миров, в мерцании светил...»

СИМВОЛЫ СЧАСТЬЯ

— ...Как-то так получилось, что в моей жизни каждое время года имеет свою неповторимую пленительность. Например, весна прочно связана в памяти с образом семнадцатилетней школьницы, быстро идущей по двору в форменном коричневом платье с белым фартуком. Светлые пушистые волосы завязаны сзади в длинный хвост бело-розовой лентой, изящная рука с розовыми ноготками задорно покачивает портфелем, а зеленые глаза смотрят весело, но чуть исподлобья, словно бы спрашивая: «Ну, и как я, по-вашему, хороша?»

Сколько раз на уроках я украдкой заглядывал под соседнюю парту, чтобы с ощущением сухости в горле и учащенным сердцебиением полюбоваться ее округлыми, неплотно сдвинутыми коленями; сколько раз на физкультуре отыскивал глазами ее ладную фигурку в темно-синих спортивных трусиках и белой футболке! А как же безумно я волновался, когда украдкой выписал из классного журнала ее домашний телефон и решил первый раз позвонить! До сих пор удивляюсь, как мне удалось пережить этот чудовищный стресс... Сегодняшняя молодежь в этом плане чувствует себя гораздо свободнее и раскованнее, чем мы — несчастные жертвы ханжески пуританского воспитания глухих советских времен. Впрочем, в этом сочетании взволнованной целомудренности с адским буйством юношеского вожделения была ни с чем не сравнимая прелесть, хотя по-настоящему ее можно оценить только сейчас, ретроспективно...

И символ весеннего счастья оказался для меня запечатлен в памяти губ, которыми я так пылко и неумело прижимался к ее трепетно-нежным губам, когда мы на несколько минут уединились в гулком, пустом и полутемном спортзале, что находился прямо напротив зала актового, где гремела дискотека выпускного вечера. Сейчас бы я не задумываясь подарил сто баксов той нерадивой школьной уборщице, которая забыла запереть

спортзал и тем самым благодетельствовала меня воспоминанием о самом чудном на свете первом поцелуе...

— А вот мы с Надеждой впервые поцеловались лишь месяц спустя после знакомства. Зато и познакомились так, что я этого никогда не забуду. Это было на втором курсе, после летней сессии. Надя шла в библиотеку сдавать учебники, руки у нее были заняты, а тут вдруг налетел сильный порыв ветра — и возникла сцена, как в одном из фильмов с Мэрилин Монро.

Легкая юбка взметнулась чуть ли не до пояса, Надежда вскрикнула, уронила книги и прижала ее к ногам. Ну а я случайно оказался рядом и бросился эти книги поднимать. Вот так и познакомились. Она была такой хорошенькой, смущенной, раскрасневшейся...

— Воспоминания о студенческих летних каникулах возбуждают меня сильнее любых других. То была самая чудная пора для чувственной любви — пора накопления опыта и совершения безумных ошибок, когда буйная юношеская страсть постепенно входит в берега терпеливого умения смаковать самые пикантные детали. Именно тогда знаменитая библия страсти — «Камасутра» — пользуется наибольшим успехом, поскольку хочется перепробовать все на свете.

Помню, как после окончания второго курса я поехал в подмосковный стройотряд сооружать какой-то коровник, причем поселили нас чуть ли не в хлеву. Девушек было мало, но к тому времени я уже был отъявленным ловеласом и не боялся никакой конкуренции. Вскоре мне удалось соблазнить одну из своих сокурсниц. Красавицей ее было не назвать, но фигурка отличалась чудесной стройностью, а темперамента и любопытства хоть отбавляй! Мы убежали со стройки порознь и встречались в лесу, где нашли крохотную, залитую солнцем и устланную пружинистым мхом полянку размером с канцелярский стол. Едва ли можно представить себе более дивный кусочек рая! Стоя в центре этой полянки, мы быстро раздевали друг друга, а потом опускались на мох и предавались самым безудержным и бесстыдным ласкам. До сих пор я отчетливо помню невероятно возбуждающий запах ее загорелой горячей кожи, к счастью не отравленный никакими духами или дезодорантами. А от воспоминаний об упругости ее гладких бедер у меня до сих пор теплеют ладони...

— Летом и я был счастлив, поскольку через месяц после нашего первого поцелуя Надежда согласилась выйти за меня замуж. Это случилось поздним вечером того дня, когда она познакомилась с моими родителями.

Я поехал ее провожать, и уже у самого дома нас застал ливень. Мы добежали до подъезда, и там, остановив ее на лестничной площадке между вторым и третьим этажом, я спросил, согласна ли она за меня выйти...

Она смутилась, засмеялась и ответила: «Почему бы не попробовать?» — после чего сразу вырвалась и побежала наверх. «Ты это серьезно?» — закричал я снизу, как-то разом отяжелев от любовной истомы. «Конечно, да, дурачок!» А поженились мы уже осенью...

— Ну, осень это самое подходящее время для глубоких романтических чувств, которые приходят на смену эротичной юношеской влюбленности. Именно осенью, возвращаясь из гостей, я и познакомился с самой красивой и элегантной женщиной в своей жизни. Это была жгучая брюнетка в светлом плаще и изящных белых сапожках. От каждой из любимых мной женщин у меня оставалось лишь одно, самое яркое воспоминание, а потому можно сказать, что в одноклассницу я влюбился за ее трепетные полудетские губы, в однокурсницу — за аромат ее смуглой бархатистой кожи, а в эту элегантную красавицу — за самоуверенный стук ее каблучков.

Я догнал ее на пустынной улице, весело и непринужденно заговорил, и она столь охотно и дружелюбно ответила, что меня охватило волнующее предчувствие скорой победы. И действительно, проводив ее до дома, я остался у нее на всю ночь, после чего не только не успокоился, но влюбился не на шутку.

Моя чудная красавица была замужем за человеком много старше себя, который в тот момент преподавал где-то в Америке, но должен был вскоре вернуться. Прошла всего неделя, и как же глубоко я обманулся в отношении ее чувств ко мне! Стоило заговорить о будущем, как она невозмутимо заявила, что «очень дружит» со своим мужем и не собирается «отравлять ему жизнь разводом». Именно тогда я впервые понял, как жестоко могут играть нами даже те женщины, которых мы сами соблазняем играючи, из любви к пикантным приключениям. Я был настолько огорошен ее отказом, что искренне изумлялся глубине своих переживаний, на память о которых у меня осталось небольшое, но очень грустное стихотворение:

Шел дождь. На улице стемнело,
И это был последний раз;
И взгляд я оторвал несмело
От взгляда милых этих глаз.

Прощай, последнее мгновенье!
Ты смыто тем ночным дождем.
Свои ошибки, к сожаленью,
Мы слишком поздно сознаем.

— А мой медовый месяц пришелся как раз на осень! Сразу после свадьбы мы с Надеждой поехали к морю, угодив в самый разгар бархатного сезона. Устроились в санатории, целыми днями ели фрукты, пили вино и ходили гольшом по номеру, чтобы не тратить время на раздевание и одевание. Но, как ни странно, она тогда так и не забеременела, а наш первенец родился лишь к следующему Новому году...

— Картина зимнего счастья у меня почти такая же, как в одном остроумном фильме. Тот Новый год я отмечал в незнакомой компании на Патриарших прудах, куда меня пригласила одна дама. Я был к ней совершенно равнодушен, но выбирать было не из чего, а потому приходилось пить и общаться с совершенно неинтересными мне людьми, мечтая только об одном — скорей бы закончить эту ночь, отмучиться похмельем первого января и снова сесть за работу.

Собрались мы рано, поэтому к бою курантов все уже изрядно надрались. И тут какая-то экзальтированная дуреха потащила нас на улицу водить хоровод под руководством несчастного Деда Мороза, отчаянно пытавшегося развеселить жалкую кучку доставшихся на его долю зевак. Пока мои спутники валяли дурака, я подошел к краю обрыва и посмотрел на пруд, по льду которого каталась одинокая фигуристка. Время от времени она подъезжала к своему спутнику, стоявшему у самой кромки с бутылкой шампанского в руках, выпивала бокал и снова начинала кружиться — загадочная, стройная и веселая, как сама Маргарита.

Расстояние было слишком большое, а потому я не мог разглядеть ее лица, но в тот момент без колебаний побился бы об заклад, что она была прекрасна. По темному силуэту ее спутника нельзя было распознать, кто это — муж, друг, любовник, — но холодная ревность почему-то вцепилась мне в сердце. И вся эта сцена показалась символом чужого, уже недоступного мне юного счастья, символом чего-то безвозвратного, необратимого, невыносимого... Что меня ждало дальше? Тяжелое пьянство в чужой компании? Бесцеремонная, малосимпатичная и не слишком молодая женщина, упорно пытавшаяся затащить меня в свою постель... Сколько бы я ни пил в тот вечер, мне упорно мерещилась юная и стройная фигури-

стка на льду Патриаршего пруда. Позднее я все рвался вернуться обратно и подойти к ней поближе, но меня просто не выпустили из дома, заявив, что я уже пьян и обязательно потеряюсь! Вот дурачье! Словно бы я и так не чувствовал себя абсолютно потерянным...

— Да, плохо, что ты так и не завел семьи, не ощутил себя отцом и не понял, какое это счастье — держать на руках своего младенца, который щурит на тебя глазки и сучит ножками...

— Ну и где они теперь, твои младенцы? На кого щурят глазки и куда сучат ножками? Выросли и разбежались... А где твоя ненаглядная Надежда? Бросила тебя, переселившись на Домодедовское кладбище! И теперь ты такой же одинокий старый хрен, как и я. Ну что, пойдём пропустим по рюмочке коньяка? Я угощаю.

— Одного я не понимаю. Мы столько говорили о счастье, и мне всегда казалось, что я прожил свою жизнь правильно...

— И это действительно так. Просто живые символы счастья со временем превращаются в совсем не живописные руины, зато в вечности остаются их талантливые изображения. Да оторви ты, наконец, свою старую задницу от скамьи и пойдём выпьем!

ДУРА (три эпитафии)

В тот день она проснулась незадолго до того, как должен был зазвонить будильник. Проснулась, глянула на циферблат и, убедившись в том, что впереди еще как минимум десять минут неги под теплым одеялом, с мучительно-счастливым вздохом натянула его до кончика носа. Однако глаза при этом закрывать не стала, прекрасно сознавая, насколько мучительным может оказаться повторное пробуждение, а потому лишь неплотно смежила веки, лениво наблюдая серую полоску неба, светлевшую в узкой расселине штор, и мысленно прикидывая, что сегодня наденет. Впрочем, какая разница...

Не так давно, когда она еще по-девичьи наивно ожидала, что все ее дни будут проходить весело, ярко и разнообразно, Ольга всячески старалась соответствовать этому настроению, а потому непрерывно чередовала самые разные стили и наряды, надевая то короткую юбку, то строгий деловой костюм и при этом особое внимание уделяя кокетливым аксессуарам — шейным платкам, блестящим заколкам или ярким лентам. Но затем это ожидание как-то незаметно стерлось и поблекло.

Что толку стараться выглядеть «девочкой-конфеткой», если большую часть свободного времени она проводила дома, надевая наушники, чтобы не слышать того, как в соседней комнате непрерывно грызутся старики родители. Свою работу продавщицы продуктового магазина Ольга настолько ненавидела, что, становясь за прилавок, немедленно натягивавшую у мужчин-покупателей всякое желание заигрывать. А если и находились такие типы, то на них можно было просто не реагировать...

О боже, все-таки затарахтел, сволочь! — вскинулась она, стремительно выпрастывая руку из-под одеяла и с ненавистью хлопая по выключателю будильника. Что же она заранее его не выключила? Теперь

остается только ждать появления матери, которая приоткроеет дверь, сунет в нее всклокоченную голову и неприятно-заискивающим тоном поинтересуется: «Ты уже проснулась, Оленька?» — как будто можно не проснуться от тракторного грохота этого проклятого советского будильника!

Она, разумеется, давно могла бы купить себе современный, электронный, с набором множества приятных мелодий, но разве от этого ее дни будут начинаться и проходить как-то иначе? Разве не придется вставать, надевать старый халат и лениво шлепать в ванную, где ее чертово старичье постоянно забывает стаканы со вставными зубами? Разве не придется нехотя краситься и одеваться, чтобы через старый обшарпанный подъезд выходить на холодную улицу под мерзкий осенний дождь и пронизывающий до костей ветер и торопливо бежать на ненавистную работу? Нет, именно гнусное тарыхтение этого проклятого будильника как нельзя лучше настраивает на соответствующее начало очередного дня...

Торопливо надевая халат, Ольга поеживалась от утреннего холода — топить еще не начали, — с отвращением и ужасом думая о том, что впереди безнадежно долгая зима с ее мучительными вечерами. Боже, ну почему бы ей не заснуть летаргическим сном лет на пять, а проснувшись, обнаружить себя свободной и богатой? Родителей к тому времени уже не будет, зато на ее больничный накапает куча денежек, ведь летаргия — это же болезнь! К тому же о ней сообщат в новостях, она станет знаменитой, и с ней захотят познакомиться многие известные люди — тот же Коленька Баксов, например...

— Оленька, ты еще не проснулась?

— Проснулась, мам, ну что ты все время лезешь!

Магазин находился в пятнадцати минутах ходьбы от ее дома, поэтому вскоре, переодевшись в белый халат, она уже стояла за прилавком с привычно равнодушным выражением лица. Все было, как это обычно бывает в утреннюю смену — мужики с помятыми лицами приходили за пивом, бабушки-старушки тщательно выбирали свежий хлеб, пересчитывая потом каждую копейку, а вечно раздраженные домохозяйки закупали продукты для семейных обедов.

Самое главное — это не сорваться и дотянуть до обеденного перерыва, поскольку после него и «контингент клиентов» был уже более пестрым — попадались и бизнесмены, тщательно выбиравшие самый дорогой

коньяк в качестве подарка компаньонам, и шумные школьники, приходившие за чипсами, жвачками и шоколадками, и ухоженные путаны, покупавшие дорогие ментоловые сигареты. Тут уже дела шли значительно веселее, тем более что можно было все чаще поглядывать на часы в ожидании вечерней смены.

Именно во второй половине дня на Ольгу нередко обращали внимание весьма интересные мужчины — от напористых «крутых» до вежливых «интеллигентов», однако к этому времени она уже настолько устала, что мечтала только об одном — поскорее вернуться домой, переодеться в домашний халат и, наскоро поужинав, поуютнее устроиться в своей комнате на любимом диване. Можно надеть наушники и просто смотреть в окно, за которым листопад будет сменяться дождем, а дождь — листопадом, или включить какой-нибудь иностранный сериал с обаятельными героями и невероятно красивой жизнью.

Все было как всегда, и единственным заметным событием этого дня стал разговор в обеденный перерыв с напарницей Ленкой — не слишком симпатичной, но весьма бойкой девицей, являвшей своим взрывным темпераментом полную противоположность меланхоличной Ольге.

— Ты зачем у Катьки ее мужа отбила? — поинтересовалась она, когда они пристроились в подсобке, заварив себе по коробке лапши «Доширак».

— Никого я не отбивала, — равнодушно отвечала Ольга.

— Как же не отбивала, когда она мне вчера весь вечер на тебя жаловалась...

— Ох, отстань!

— Пашка-то все-таки вернулся к ней, но настолько злой, что в первый день ее даже избил. Катька говорит, что ты с ним поигралась, а потом не дала — вот он и злобствует. Чего ты как-то странно себя ведешь, подруга? Мужиков отбиваешь, а сама ими не пользуешься? С чего бы это, а?

— Отстань от меня! — еще более раздраженно попросила Ольга.

— Сказать, что ли, не можешь? — обиделась напарница. — Мне же интересно!

— А мне все это надоело... А Пашка этот просто придурок, и как она с ним только живет...

После этого разговора Ленка демонстративно обиделась и до конца дня старалась с ней не заговаривать. Однако Ольгу это волновало гораздо

меньше того обстоятельства, что очередной рабочий день близился к концу, вскоре можно будет вернуться домой, на любимый диван — и до следующего утра погрузиться в сладостный мир грез...

В тот вечер музыке она предпочла телевизор и уже где-то в районе девяти часов, случайно переключая каналы, наткнулась на экстренный выпуск новостей.

«Полчаса назад театральный зал на окраине Москвы был захвачен группой вооруженных террористов, — взволнованно рассказывал диктор, — это произошло в середине первого акта, во время знаменитого танца летчиков, когда один из террористов вышел на сцену и под угрозой автомата заставил артистов спуститься в зрительный зал, который в этот вечер был заполнен до отказа...»

Ольга насторожилась, поскольку на экране появились кадры хорошо знакомого ей Дворца культуры, который находился в десяти минутах ходьбы от дома. В детстве она ходила туда заниматься художественной гимнастикой, но потом бросила из-за природной лени. Сейчас здание было окружено множеством милицейских машин, между которыми маршировали солдаты в касках и с автоматами.

Все это было захватывающе интересно и происходило не где-то вдалеке, за тысячи километров, а совсем рядом, и вскоре весь мир будет знать, что есть в Москве такой район и такой Дворец культуры! Нет, теперь она просто не сможет усидеть дома, когда рядом разворачивается такое необычное зрелище!

— Ты куда, Оленька? — тревожно спросила мать, когда дочь, одетая в черные джинсы и короткие черные сапожки, торопливо натягивала в прихожей свою серую осеннюю куртку с капюшоном.

— Отстань! — раздраженно отвечала та, быстро открывая дверной замок и выходя на лестничную площадку...

***

— ...Знаешь, старик, этот танец летчиков показался мне такой дешевой, что, когда какой-то хмырь в камуфляже принялся как баранов стогнать их со сцены, я сначала даже подумал, что это кто-то из зрителей не выдержал вида этой самодеятельной халтуры!

— Ну а потом что было?

— А потом случилось нечто совершенно невероятное, от чего даже сами террористы охренели! Я сидел как раз возле левого входа, поэтому

все прекрасно видел. Дверь неожиданно открылась, и в проходе появилась молодая симпатичная блондинка в серой куртке и черных джинсах. И знаешь, что она первым делом спросила, когда они наставили на нее автоматы? «Чего это вы тут затеяли?» — причем таким тоном, словно бы это ее одноклассники решили похулиганить.

— Ну и что террористы?

— Сначала, как я уже говорил, они были настолько ошарашены тем, как она смогла проникнуть в зал, несмотря на все оцепления и пикеты, что просто приказали ей сесть в зал и заткнуться. Но эта дура, словно не понимая, где находится и что происходит, продолжала их ругать, обзывая «козлами вонючими» и «чурками недоделанными». В итоге они просто не выдержали, кто-то схватил ее за капюшон и выволок из зала. А через пару минут снаружи прозвучало два выстрела...

— У этой блондинки что — не все были дома?

— Не знаю, старик, хотя мне ее все-таки жаль... Симпатичная такая, стройная, хоть и дура.

— Вот-вот, таким только в шлюхи!

— Возможно, хотя я подумал о другом... Глупость страшнее всего, страшнее ненависти, злобы, зависти, поскольку гораздо более убийственна и разрушительна по своим масштабам! И справиться с ней может не ум, а она же сама, когда обращается на своих собственных носителей. Вот и эта дуреха погибла из-за собственной глупости, хотя мне ее все-таки жаль...

***

— В общем, Никита Николаевич, я по вашему распоряжению написала заметку о погибшей девушке...

— Хорошо, клади на стол, я потом посмотрю. Ну и какого ты о ней мнения?

— Добрая душа, Никита Николаевич! Увидела по телевизору выпуск новостей и тут же сорвалась, оделась и поспешила на помощь к заложникам.

— И чем же это она могла им помочь, а?

— Да ничем, разумеется, просто действовала по зову сердца и погибла как настоящая героиня!

— Ну, ты мне тут из нее Зою Космодемьянскую-то не делай! На мой взгляд, все было гораздо проще — скучала девчонка дома, вот и полезла

в самую гущу ради острых ощущений. Наверное, целыми днями просиживала перед телевизором или компьютером и потому утратила чувство реальности. А ведь психиатры в таких случаях советуют по сильнее прищемить себе палец, чтобы резкая боль вернула утраченное в виртуальном мире чувство опасности!

— Да, Никита Николаевич, я целиком с вами согласна... Так что, может, вы тогда вернете мне статью, и я перепишу ее в свете высказанных вами замечаний?

— То есть?

— Ну, напишу, что она проникла в зрительный зал, повинувшись неосознанному стремлению вырваться за рамки надоевшей обыденности.

— Ладно, переписывай, только госпожу Бовари из нее тоже не делай! И, кстати, ради полноты психологического портрета попробуй выяснить — возможно, эта девица откровенничала с кем-то из своих подруг или вела дневник...

***

«...Боже, боже, боже, до чего же мне все надоело! Надоело смертельно, до отвращения, до тошноты! Изо дня в день одно и то же, и конца этому не видно! Из-за отсутствия денег мне недоступен окружающий мир — даже в Питер не на что съездить, из-за отсутствия везения в любви — почему-то попадаются одни похотливые придурки! — нет никакой личной жизни. Ну и к чему мне это постылое однообразное существование? Боже, ну когда хоть что-нибудь в этой проклятой жизни изменится, когда?..»

РОКОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Исторический детектив

(отрывок)

*Вчера гулял я по кладбищу,
Читая надписи могил.
Двум-трем сказал: «Зачем ты умер?» —
А остальным: «Зачем ты жил?»*

А. Л. Боровиковский

Пролог

— Колька! Николай, чертов сын, идешь ты или нет? — и Трофим Петрович, хозяин мясной лавки, что располагалась в одном из переулков, примыкавших к Михайловскому саду, с силой грохнул кулаком по конторке.

— Да иду я, иду! — раздался тонкий детский голос, принадлежавший рассыльному Кольке, невысокому парнишке с лукавым взглядом, в огромном, не по росту, зипуне и старенькой заячьей шапке.

Появившись откуда-то из глубины лавки, он ловко увернулся от хозяйского подзатыльника и подхватил с прилавка приготовленную для него корзину с мясом.

— Куды нести-то? — деловито осведомился он, что-то дожевывая.

— А то не знаешь! — снова загремел Трофим Петрович. — К Михаил Иннокентичу Дворжецкому, чертов ты лоботряс! Да шевели мослами-то, охламон, его повара с самого утра тебя дожидаются, а ныне уж два часа пополудни.

— Да щас я, мигом, — и Колька открыл было дверь, чтобы выскользнуть наружу, как новый окрик хозяина заставил его остановиться. — Ну, че еще?

— Записку возьми, — вовремя вспомнил Трофим Петрович, доставая из конторки аккуратно запечатанный конверт, — да смотри, шельма, дело важное, а потому попросишь, чтобы передали Михал Иннокентичу в собственные руки!

— Дык сделаю, конечно, куда я денусь, — недовольно бормотал Колька, прислонив корзину к стене и вертя конверт в руках.

— В шапку не клади, засалишь, — строго предупредил хозяин, — сунь за пазуху.

— Сам знаю, — буркнул мальчишка, осторожно засунув конверт под зипун. — Ну че, я побег?

— Долго не задерживайся, иначе без обеда останешься! — напоследок предупредил Трофим Петрович, знавший о пристрастии своего юного рассыльного подолгу застревать возле самых незначительных уличных происшествий, будь то упавшая на льду лошадь, подравшиеся возле распивочной мужики или искавший потерянный свисток городской.

Колька вышел на улицу, вскинул корзину на голову и, придерживая ее одной рукой, не спеша побрел в сторону Екатерининского канала.

Особняк известного петербургского банкира Михаила Иннокентьевича Дворжецкого находился на Малой Конюшенной улице по другую сторону канала, поэтому Кольке надо было всего лишь выйти на Невский проспект, перейти Банковский мост и немного вернуться назад. Пыхтя от тяжести ноши, он невольно призадумался над тем, почему это банкир позволяет себе жрать мясо в Соборное воскресенье — первое воскресенье поста — и не боится быть подвергнутым анафеме?

Так и не ответив на этот сложный вопрос, Колька дошел до конца Инженерной улицы и свернул на заметенную снегом набережную. Прохожих в этот час было немного — нестарая еще солдатка в цветастом платке, пожилой фельдшер с военной выправкой да двое юных подмастерьев, тавивших обитую шелком кушетку.

Один из них заметил приближение красивой двухместной кареты, украшенной золотыми императорскими коронами и зеркальными стеклами, и восторженно закричал:

— Царь едет! Царь!

Солдатка остановилась, разинув рот, фельдшер вытянулся и отдал честь, а подмастерья поспешно поставили кушетку на тротуар и сдернули шапки. Колька мигом сбросил свою корзину и последовал их примеру.

Ему посчастливилось увидеть бледное, украшенное пышными бакенбардами лицо императора, который милостиво улыбнулся своим подданным. Несколько секунд спустя невысокий юноша с жидкими усиками и отчаянно-хмурым выражением крестьянского лица метнул под карету какой-то сверток.

Последнее, что услышал Колька за свою недолгую двенадцатилетнюю жизнь, был мощный взрыв.

Покинув Михайловский дворец в начале третьего пополудни, император сел в карету, салон которой был обтянут узорчатой шелковой материей темно-синего цвета, и приказал кучеру Фролу возвращаться в Зимний дворец «той же дорогой». Подняв шелковую занавеску, он закурил папиросу и, улыбаясь, думал о той, которая ждала его во дворце, чтобы вместе отправиться на прогулку в Летний сад.

Княгиня Юрьевская, отныне и навеки венчанная жена и мать троих его детей, с которой он познакомился, когда она была юной выпускницей Смольного института Катеи Голицыной, по-прежнему имела неописуемую власть над его страстями. Недаром же сегодня утром, перед тем как ехать на развод в Михайловский манеж, он позволил себе совершенно юношескую выходку, достойную самого фривольного французского романа! Стоило им только остаться наедине, как он прямо в столовой опрокинул княгиню на стол и, задрав множество пышных юбок, в очередной раз предался тем неистовствам, одно только воспоминание о которых заставляло терять голову...

Когда карета, сопровождаемая по бокам шестью казаками лейб-гвардии Терского эскадрона, а сзади — двумя санями, в которых ехали полицмейстер, начальник охраны и командир казаков, свернула на Екатерининский канал, император увидел низко кланяющуюся солдатку, вытянувшегося в струнку усатого фельдшера и троих подростков, поспешно сдернувших шапки со своих вихрастых голов. Настроение у него было настолько хорошее, что он не только кивнул в ответ, но даже приложил руку под козырек фуражки.

Внезапный взрыв с силой потряхнул карету и вдребезги разнес зеркальные стекла. Первой же мыслью императора было отчаянное: «Опять!» После шести покушений на свою жизнь Александр II поневоле стал фаталистом, а потому замер, с ужасом ожидая дальнейшего. Не успел он по-

нять, что порезался осколками стекла, как дверца распахнулась и в карету заглянул молодой пехотный подпоручик.

— Слава Богу, ваше величество, вы живы!

— Да, пока Он хранит меня, — с трудом выговорил император, едва слыша собственный голос. Поддерживаемый молодым офицером, он ступил на развороченную мостовую, пошатнулся, но быстро выпрямился. Со всех сторон к нему бежали люди. Конвойный казак, ехавший с той стороны кареты, куда упала бомба, окровавленный лежал на снегу вместе со своей лошадью. Рядом с ним, словно механическая кукла, то открывая, то закрывая глаза, корчился мальчик с обезображенным, залитым кровью лицом и зияющей раной на виске. И повсюду страшным дополнением этой картины валялись куски мяса из разнесенной взрывом корзины.

Метнувший бомбу преступник был моментально схвачен и разоружен (при нем нашли еще кинжал и пистолет). Крепко удерживаемый десятком рук, он испуганно крутил головой, видя перед собой только возбужденные ненавистью лица, и дрожащим голосом просил, чтобы его не били. Император зачем-то приблизился к бомбисту, и в этот момент на него чуть было не налетел молодой офицер, бежавший со стороны Театрального моста.

— Что с государем? — не узнав Александра, шумно выдохнул он.

— Я слава Богу, — снимая фуражку и дрожащей рукой крестясь, пробормотал император, — а вот они... — и он указал на убитого казака и раненого мальчика.

Услышав его слова, бомбист нервно дернулся и с какой-то непонятной веселостью выкрикнул:

— Еще слава ли Богу?

Удивленный подобной дерзостью, Александр глянул на него укоризненно и, покачав головой, произнес только одно слово:

— Хорош!

В это время по другую сторону канала, внимательно наблюдая за происходящим, медленно прогуливалась невысокая девушка в черном пальто и черном же платье с белым отложным воротничком. По-детски пухлые щеки, выпуклый лоб и аккуратно стянутые в пучок волосы на затылке придавали ей вид курсистки-бестужевки¹. Кто бы мог заподоз-

---

¹ Для получения женщинами высшего образования существовали женские курсы в Петербурге (Бестужевские), Москве и Киеве. — *Примеч. авт.*

речь в этой скромной особе с нахмуренным личиком главного организатора того чудовищного действия, что происходило в тот момент по другую сторону набережной! А ведь это именно она еще месяц назад обратила внимание на то обстоятельство, что при повороте на Екатерининский канал любой кучер вынужден придерживать лошадей, отчего они идут почти шагом, а потому лучшего места для покушения и не придумать. И это именно она, вовремя сообразив, что сегодня император не поедет по Малой Садовой, где был готов подкоп с заложенной в него бомбой, поднесла к лицу белый платок, давая сигнал бомбистам занять свои места на разных концах канала. За все это она и будет повешена через месяц на Семеновском плацу под именем Софьи Перовской...

И все же Александра II сгубили не столько молодые фанатики, обураваемые страстью к действию и мало задумывающиеся над тем, что творят, сколько неистребимое российское разгильдяйство, не говоря уже о полном непрофессионализме охраны. Вместо того чтобы немедленно увезти императора с места покушения, ни один из трех офицеров, ехавших в задних санях, даже не подумал этого сделать, позволив своему подопечному совершить несколько шагов навстречу собственной смерти. Действительно, как же можно перечить желаниям помазанника Божьего! А ведь в окружившей императора толпе оказался плотный бородатый мужчина лет двадцати пяти, который кинул еще одну бомбу — между собой и царем...

Даже находившаяся по другую сторону канала Перовская невольно содрогнулась от второго, более мощного взрыва, взметнувшего вверх густой столб из огня, дыма, кровавых ошметков человеческой плоти и обрывков одежды. Стоявших вокруг Александра и бомбиста разметало в разные стороны, а самого царя с силой отбросило к чугунной решетке канала.

Когда дым рассеялся, зрелище оказалось настолько ужасающим, что большинство очевидцев закричали от потрясения. Фуражку и шинель императора сорвало взрывом, лицо его было сильно окровавлено, а обнаженные голени раздроблены с такой жестокой силой, что куски мяса свисали ключьями, ступни держались на мышцах и сухожилиях, а кровь лила ручьем... С изувеченных ног второго бомбиста тоже сорвало сапоги, а его самого отбросило к жертве первого взрыва — Кольке Захарову, который на тот момент уже ничего не сознавал.

Однако император еще дышал и даже успел попросить:
— Отнесите меня во дворец... там умереть.

После этих его слов началась невероятная паника — все окружающие словно ополоумели от ужаса пролетевшей вдоль канала смерти и возбуждения от вида горячей человеческой крови, быстро впитываемой мартовским снегом. Несколько матросов флотского экипажа, возвращавшихся из того самого Михайловского манежа, откуда незадолго до них уехал Александр, зачем-то бросились ломать ограду Михайловского сада, будто бы из-за нее исходила неведомая угроза. Другие стали поднимать царя, чтобы перенести его в сани, но делали это крайне неловко, поскольку держали под мышками ненужные в данных обстоятельствах ружья и доставляли ему лишние страдания. И только прибежавший из своего дворца великий князь Михаил Николаевич приказал им бросить ружья и надел на царя снятую с чьей-то головы шапку. Самое поразительное состояло в том, что среди помогавших матросам прохожих затесался и третий бомбист, который одной рукой поднимал царя, а другой придерживал приготовленную для него бомбу!

Но никто из них, щедро обогранных кровью Александра, не догадался перетянуть ему артерии и тем самым спасти царю жизнь. Единственный медик — тот самый военный фельдшер, который еще недавно отдавал императору честь, — был занят тем, что держал первого бомбиста за шиворот, а после второго взрыва в сердцах ударил его кулаком по голове и отчаянно закричал:

— Да что же вы делаете!

Последними словами императора, которые он, закутанный в чужую шинель и с чужой фуражкой на голове, произнес в несущихся во дворец полицейстерских санях, обращаясь к поддерживавшему его командиру казачьего конвоя, был едва слышный вопрос:

— Ты ранен?

— Обо мне нет слов, я ранен легко, — отвечал контуженный и плачущий офицер, держа свою окровавленную руку перед глазами царя — так, чтобы их не слепил летящий навстречу мартовский снег...

«По возвращении в Зимний дворец Его Величество сподобился приобщиться Святых Тайн и затем в Бозе почил». Это произошло в три часа тридцать пять минут пополудни. Объявлять траур при дворе не пришлось, поскольку он уже был объявлен накануне самим Александром на срок в двадцать четыре дня по случаю кончины вдовствующей датской королевы Каролины Амалии.

Не приходя в сознание, умер и рассыльный мясной лавки Колька Захаров, пережив царя всего на двое суток.

Глава 1 УТРЕННЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Хмурый мартовским утром извозчик, дремавший возле трактира на Владимирской площади, был разбужен нетерпеливым подергиванием за рукав. С трудом разлепив сонные глаза, он увидел перед собой молоденькую барышню в беличьей жакетке, отороченной светлым мехом, и маленькой шляпке с низко опущенной вуалью. Левую руку она прятала в черную муфту.

— Чего изволите? — прохрипел извозчик, ерзая на козлах, чтобы согреть замерзший зад.

— В Апраксин переулочек, — коротко приказала барышня, с трудом забираясь в сани.

Привыкший ничему не удивляться возница расправил вожжи и чмокнул, понукая застоявшуюся лошадь, шумно тряхнувшую заиндевелой гривой. Ехать было недалеко, однако не успели они миновать Лештуков мост через Фонтанку, как барышня стала проявлять нетерпение.

— Ну же, быстреей! — негромко просила она, приподняв вуаль и всматриваясь в фасады домов.

Повинуясь щелканью кнута, лошадь побежала живей. Стоило свернуть в Апраксин переулочек, отходивший под прямым углом от набережной, как барышня воскликнула:

— Стой!

Сани остановились у парадного входа голубого двухэтажного особняка, мало чем отличавшегося от соседних домов, разве что белыми «античными» барельефами над окнами верхнего этажа.

— Пожалуйста, подожди меня здесь, — неловко ступая на обледневшую мостовую, пробормотала девушка, — я скоро вернусь...

Возница раздосадованно повернулся к ней.

— Хорошо бы заплатить, — грубо заявил он, — тут всего-то пять алтын наберется.

Барышня растерянно пожала плечами и, выпростав из муфты левую руку, в которой был зажат какой-то предмет, положила его в протянутую рукавицу извозчика.

— Вот, возьми в залог и, пожалуйста, обязательно меня дождись.

Пока тот изумленно таращился на золотую брошь, щедро усыпанную драгоценными камнями, девушка уже нетерпеливо стучала в дверь.

Отсутствовала она недолго, зато по возвращении в ее движениях появилась какая-то пугающая решимость. При этом девушка стала слегка горбиться: будто муфта, внезапно отяжелев, оттягивала ей руки. Извозчику все это очень не понравилось — весь город только и говорил о бомбистах, не далее как вчера днем злодейски убивших государя императора.

— Куда прикажете теперь? — настороженно поинтересовался он.

— К Исаакию!

— Так ведь для заутрени еще вроде рановато...

— Отвези меня к Исаакию! — решительно потребовала барышня, снова устраиваясь в санях.

Возница повиновался, и его лошадка затрусила по мостовой, оставляя свежие следы на выпавшем за ночь снегу. Спустя десять минут они подъехали к Исаакиевскому собору. Как назло, поблизости не было видно ни одного городского: лишь где-то вдалеке, у памятника Петру I, маячила одинокая фигура.

Сойдя на землю, девушка тут же поскользнулась и с трудом удержалась на ногах, в последнее мгновение вцепившись в край саней. Затем, не поднимая головы, неуверенными шагами направилась к паперти. Едва начинало светать, а потому никого, даже нищих, поблизости не было.

— Эй, барышня, — как-то внезапно оробев, окликнул ее извозчик, — вещицу-то свою забыли!

— Оставь себе! — не оборачиваясь, отвечала она.

От такого поворота дел он окончательно потерял голову и, спешно понукая лошадь, тронулся в сторону городского, поминутно оглядываясь на невысокую женскую фигурку.

А девушка взошла на паперть и мелко перекрестилась. Затем глубоко вздохнула и с трудом извлекла из муфты большой тяжелый револьвер. Курок был тугой, леденящий пальцы, поэтому, пытаясь взвести его, она делала это столь неловко, что едва не уронила револьвер в снег.

Наконец раздался металлический щелчок. Девушка вздохнула еще раз, закрыла глаза и приставила дуло револьвера к левой стороне груди...

Гулкий выстрел, вспугнувший стаю ворон, заставил извозчика испуганно жвать голову в плечи и лихорадочно перекреститься.

— О господи, так и знал, что все это неспроста!

Глава 2 ТРАГЕДИЯ

— ...Вы только вообразите себе эту ситуацию, Макар Александрович! Совершая подкоп на Малой Садовой, заговорщики наткнулись на большую деревянную трубу и решили сделать в ней вырезку для закладки мины. Однако после надрезания трубы, оказавшейся канализационной, в подкопе распространилось столь ужасное зловоние, что дальнейшая подготовка злодейства была возможна лишь в пропитанных марганцем повязках, дабы не упасть в обморок, да и то этих мер хватало на самое короткое время! Можете себе представить, как воняли-с эти господа нигилисты!

— Н-да-с, уважаемый Егор Алексеевич, однако эти зловонные подпольные крысы все-таки сумели лишить нас обожаемого государя!

После этого замечания оба собеседника подняли глаза к висевшему на стене портрету покойного императора и почтительно перекрестились. Разговор происходил в одном из следственных участков города, что на Итальянской улице позади здания Пассажа. Первым собеседником был седовласый частный пристав в полицейском мундире и с шашкой на поясе, вторым — красивый и статный мужчина лет тридцати с небольшим, обладавший военной выправкой, отчетливо заметной и под хорошо сшитым гражданским костюмом в темно-серую клетку.

У этого господина были серо-голубые глаза, замечательно оттененные роскошными ресницами, которым бы могла позавидовать любая дама, и ровными бархатно-черными бровями. Высокий лоб, аккуратно прикрытый короткой челкой темно-каштановых волос, прямой нос с очень подвижными ноздрями и замечательно красивые губы, нижнюю из которых их обладатель в минуты задумчивости любил слегка выпячивать вперед. Гладко выбритые белые и румяные щеки сразу приводили на ум выражение «кровь с молоком», а дополняли портрет весьма ухоженные усы.

Короче говоря, судебный следователь Макар Александрович Гурский недаром славился своим обаянием, позволявшим ему успешно допрашивать дам любого возраста! В свое время он служил в жандармской полиции, однако после случайного знакомства с председателем окружного суда Санкт-Петербурга так поразила последнего своим здравомыслием

и наблюдательностью, что тот переманил Гурского в собственный департамент, пообещав поручать наиболее интересные дела¹.

Последним из таких его дел было загадочное самоубийство младшей дочери титулярного советника Симонова, застрелившейся из отцовского револьвера прямо на паперти Исаакиевского собора.

Впрочем, умы большинства членов общества по-прежнему занимало убийство императора, чьи похороны были назначены на пятнадцатое марта. Вот и Егор Алексеевич Привалов, являвшийся частным приставом² полицейского участка, располагавшегося по соседству с Итальянской улицей, явился в кабинет Гурского, чтобы обсудить это преступление, последствия которого их очень тяготили, поскольку оба искренне почитали царя-реформатора.

— Господа нигилисты, к сожалению, не крысы, Макар Александрович, — с горечью заявил частный пристав. — Крысы не мечут бомб в людей и не знают законов физики-с. А заговорщики действовали по последнему слову науки — заложили почти девяносто фунтов динамита в пробитую ими штольню и соединили его проводами с гальванической батареей, во-дружив ее в сырной лавке, откуда и велся подкоп!

— Но неужели по одному только зловонию их нельзя было вычислить и обезвредить заранее?

— Проморгали-с! — выразительно заметил Привалов. — И хотя главного бомбиста Желябова успели арестовать заранее-с, его подельники остались на свободе и довели задуманное злодейство до конца! Ужасно! И ведь всем этим руководила родная племянница бывшего министра внутренних дел и уездов! Невольно приходят в голову богопротивные мысли — уж пусть лучше такие вот молодые барышни стреляются или травятся от несчастной любви-с, чем взрывают государей и убивают случайных прохожих... Кстати, позвольте полюбопытствовать, — что там за история с несчастным семейством Симонова?

— Пока не разобрал, — честно признался Гурский. — Их сын, гимназист Юлий, умер от отравления в последний день февраля — то ли от несчастной любви, то ли тут имеют место быть иные и весьма пикантные

---

¹ По указу от 8 июня 1860 года следствие по уголовным делам передавалось из ведения полиции особым судебским чиновникам — судебным следователям, иначе называемым приставами следственных дел, располагавшимися в следственных же участках. — *Примеч. авт.*

² То есть начальником. — *Примеч. авт.*

обстоятельства... А что касается младшей из дочерей Надежды, то она, как мне кажется, действовала в состоянии аффекта. Смерть горячо любимого брата, а на следующий день еще и ужасная гибель императора могли серьезно повлиять на неокрепшую психику — ведь ей не исполнилось и двадцати лет. Правда, и в этом деле имеется одно весьма любопытное обстоятельство, которое заставляет думать, что...

Макар Александрович не успел договорить — за дверь послышались звуки борьбы, затем она приоткрылась, и из прихожей в кабинет наполовину протиснулся какой-то взволнованный юноша в студенческой тужурке, удерживаемый городовым.

— Что такое? — удивился Гурский, элегантно изгибая одну из своих роскошных бровей.

— Позвольте с вами переговорить! — запыхавшись, выпалил молодой человек, умоляюще глядя на следователя. Длинные русые волосы его были взлохмачены, а печальные темно-синие глаза помутились от слез.

— Отпусти его! — первым приказал частный пристав, после чего юноша наконец-то проник в кабинет целиком и первым делом поправил скобочившуюся в процессе борьбы тужурку. — Что это вы себе позволяете, господин студент?

— Извините, господа, но... Это вы ведете дело о самоубийстве Надежды Павловны Симоновой, ведь так? — и он вопросительно уставился на Гурского.

— Допустим, — кивнул Макар Александрович. — А у вас есть что сообщить?

— Да, есть... То есть думаю, что да...

— Что же именно?

Юноша судорожно сглотнул, словно собираясь с духом, но не успел ничего сказать, как в разговор снова вступил Привалов.

— Позвольте узнать — кто вы такой? — сурово оглядывая худощавую фигуру посетителя с головы до ног, поинтересовался частный пристав.

— Денис Васильевич Винокуров, студент второго курса Медико-хирургической академии, — поспешно представился тот. — Я... я был хорошо знаком с Надеждой... Надеждой Павловной... И... и очень любил ее!

— А она отвечала вам взаимностью? — заинтересовался Гурский.

— Надеюсь, да... Впрочем, мы не были столь близки, чтобы говорить на подобные темы... То есть я хотел сказать...

— Короче, вы надеялись на ней жениться?

— Да, конечно... То есть потом... когда закончу курс университета и поступлю на службу... Однако какое это имеет значение?

— Говорите ваше дело, — не отвечая на вопрос, сухо предложил Макар Александрович. — Но прежде соблаговолите сесть.

— Я бы предпочел стоя, — дернулся юноша, — мне так удобнее.

— Как угодно. Так что у вас?

— Я уверен, что Надежда Павловна была доведена до самоубийства своим собственным отцом! — одним духом выпалил студент.

— И у вас есть тому доказательства?

— Нет.

— А на основании каких фактов вы измыслили подобное обвинение?

— Не могу этого сказать, — внезапно покраснел студент, — однако за день до этой ужасной трагедии...

— О какой трагедии изволите говорить?

— О ее самоубийстве, разумеется, — удивился Винокуров, словно бы и не было никакого взрыва на Екатерининском канале. — Так вот, Надежда Павловна усиленно искала со мной встречи... К сожалению, я был болен. — Тут он покраснел сильнее прежнего и упавшим голосом добавил: — А потому не смог с ней увидеться. Но одно я знаю точно — в ее семействе творилось что-то странное и ей нужна была моя помощь!

Макар Александрович переглянулся с частным приставом и лишь потом задал следующий вопрос:

— Мадемуазель Симонова очень любила своего брата?

— Сомневаюсь, — решительно отвечал студент. — По-моему, в этом семействе никто никого не любил.

— То есть на нее не слишком тяжело подействовало известие о его смерти?

— Этого я не могу вам сказать.

Гурский нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— Итак, у вас нет никаких улик, однако вы обвиняете отца в доведении до самоубийства собственной дочери. Чего же вы добиваетесь своим легкомысленным заявлением, милостивый государь? Чтобы я взял вас под стражу?

— Не знаю... Меня? Как под стражу?

— А вот так, господин студент! — окончательно разозлился Макар Александрович. — Неужели вы не знаете, что облыжное обвинение карается по закону?

Винокуров стушевался и приобрел столь потерянный вид, что Гурский небрежно махнул рукой.

— Ладно уж, идите домой, а в другой раз трижды подумайте, прежде чем делать заявления, порочащие почтенных членов общества.

Студент уже пятился к двери, когда Макар Александрович вдруг что-то вспомнил, выдвинул ящик стола и повелительно щелкнул пальцами.

— Погодите-ка, лобезный. Будьте добры подойти и взглянуть на данный предмет, — и он выложил драгоценную брошь, которую извозчик, не на шутку перепуганный самоубийством молодой барышни, сразу же передал полиции. — Вам знакомо это украшение?

— Нет, никогда прежде не видел, — отвечал Винокуров, так и не посмевший взять драгоценность в руки, а потому разглядывая ее издалека.

— Вы уверены? — настаивал Гурский. — Возможно, вы могли видеть эту брошь не на самой мадемуазель Симоновой, а на ее матери или старшей сестре...

— Я недостаточно хорошо разбираюсь в женских украшениях, однако у меня неплохая зрительная память, — с некоторой обидой в голосе заявил студент, — а такую красивую вещь трудно на запомнить!

— Это верно, — нехотя признал следователь, — что ж, ступайте.

— Ну и что вы на это скажете, Макар Александрович? — полубо-пытствовал истомившийся долгим молчанием пристав, стоило студенту робко прикрыть за собой дверь.

— Мне кажется, Егор Алексеевич, что теперь вся эта трагедия представляется далеко не столь очевидной... — задумчиво выпятив нижнюю губу, отвечал Гурский.

Олег Суворов

Роковые обстоятельства

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Н. Саркитов*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 48 000 экз. Заказ № 0808960.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.